

Частное общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа №49
открытого акционерного общества «Российские железные дороги»

На районное методическое объединение учителей истории

"Ангелы-хранители"

Автор: И.А.Кравченко,
учитель истории и обществознания

2017

ОБОРУДОВАНИЕ: вид острога, костюмы (бальные платья, эполеты, ордена), возок, стол, стулья, чернильный прибор, перо, свечи, скатерть. Музыкальный центр, песни в исполнении В. Леонтьева «Не бойся вспоминать меня» - музыка Е.Евзерова, слова А.Блока, «Помолись, дружок» - музыка В.Евзерова, слова М. Цветаевой, менуэт. «Аве Мария». Фонограмма метели, колокольного звона, голоса за кадром. Для написания текста использовалась книга М.Сергеева «Несчастью верная сестра», Восточно-Сибирское книжное издательство, Иркутск, 1968.

Цель:

- формирование у подростков патриотического сознания и гражданственности;
- обеспечение «пробы сил» детей в различных видах познавательной, трудовой, художественно-творческой, общественно-организаторской деятельности;
- приобретение подростками опыта социальной значимой, одобряемой деятельности.

Ведущий: 14 декабря 1825 года в Петербурге на Сенатской площади произошло восстание декабристов. Царское правительство расправилось с восставшими. 5 декабристов было повешено на кронверке Петропавловской крепости, 120 сослано в Сибирь и на Кавказ.

Николай Первый, разрешив женам ехать в Сибирь вслед за мужьями, вскоре понял, что поступил вопреки своему мстительному замыслу - сделать так, чтобы Россия забыла своих мучеников, чтобы время и отдаленность, отсутствие сведений об их жизни стерли их имена из памяти народной. Женщины разрушили этот замысел. Добиться разрешения у царя, ехать за своими мужьями в Сибирь было очень трудно, но эта преграда была преодолена.

(На сцене в возке Е.И.Трубецкая. На экране высвечивается портрет царя. Голос за кадром зачитывает указ.)

Жены сих преступников... потеряют прежнее звание... дети, прижитые в Сибири, поступят в казенные поселяне...

Согласна!

Ни денежных сумм, ни вещей многоценных взять им с собой... дозволено быть не может...

Согласна!

Посылать от себя письма... не иначе как отдавая их открытыми коменданту...

Согласна!

Свидание с мужем не иначе как в арестантской палате, не чаще двух раз в неделю в присутствии дежурного офицера....

Согласна!

Ведущий: И вот одна за одной они отправляются в этот далекий, богом забытый край, и преодолевают знаменитый кандальный московский тракт, тысячи таежных верст с дождями, заливающими экипаж, солнцем слепящим глаза, дикую тряску на ухабах... И вот они уже в Иркутске..., но именно здесь начинался главный тернистый путь.

(Отрывок из поэмы Н. Некрасова «Русские женщины»).

(На сцене декабристка)

«Можно представить, каким событием, каким счастьем был для заключенных наш приезд. Мы покупали в Нерчинске ткань и шили рубашки узникам, ибо их одежда превратилась в рубище. Бурнашев выговаривал, что «одевать заключенных - дело рук не княгинь, а казны», и если Волконская

находила порой дипломатический ход в разговорах с комендантом, то мягкая, но вспыльчивая Трубецкая была резкой, приводила начальника Нерчинских рудников в неистовство.

Мы объединили узников в товарищескую семью, соединили их сестринской любовью, материнской заботой. Мы организовали обеды для декабристов, отказывая себе во всем. У Каташи не оставалось больше ничего. Мы ограничились своей пищей: суп и каша - вот наш обыденный стол, ужин отменен. Каташа, привыкшая к

изысканной кухне отца, ела кусок черного хлеба и запивала его квасом. За таким ужином застал ее один из сторожей тюрьмы и передал об этом ее мужу. Мы имели обыкновение посылать обед нашим: надо было чинить их белье. Как сейчас вижу перед собой Каташу с поваренной книгой в руках, готовящую для них кушанья и подливы. Как только они узнали о нашем бедственном стесненном положении, они отказались от нашего обеда: тюремные солдаты, все добрые люди, стали на них готовить.

Но главным для узников было облегчение не столько их физических мук, сколько мук нравственных. С нашим приездом стал несбыточным замысел Николая Первого отторгнуть декабристов от мира. Мы были их прилежными секретарями, писали их родным, сообщали о жизни, состоянии, здоровья подбадривали, пересказывали их письма, в тюрьме писанные, но не

отосланные, ибо переписка ссыльным была запрещена. А письма эти, пройдя сквозь руки нерчинского, иркутского, петербургского начальства коим было предписано вскрывать и прочитывать, и попав наконец в руки адресатов, распространялись. Переписывались десятки раз, дарились друзьям дома, а стало быть, будили память и сочувствие, ободряли жен других декабристов, собравшихся в далекий путь».

Ведущий: Мария Николаевна Волконская второй из жен декабристов отправилась в Сибирь. Ей пришлось преодолеть те же преграды, что и Трубецкой.

(Сцена встречи Волконских в руднике)

Ведущий: Послышались торопливые шаги, и чей-то голос грубо и требовательно произнес:

-Княгиня! Вернитесь! Княгиня...

И проступили сквозь тьму каторжные норы, слышались удары металла о камень, заколыхались призрачные огоньки... И деревянные салазки, груженные породой, заскрипели рядом... И песня слышалась, глухая, невнятная, ритмически подчеркнутая звоном кандалов...

И этот крик:

-Княгиня! Вернитесь! Приказываю!

Бежала женщина. Она была молода. Разлетелись пряди ее волос, глаза горели страхом и восторгом, камни осыпались, хрустели под ее исцарапанными сапожками...

(отрывок из поэмы «Русские женщины»)

Встреча Волконских. В конце звучит песня в исполнении В. Леонтьева «Не бойся вспоминать меня» - музыка

Е.Евзерова, слова А.Блока

(сцена написания письма: декабристка сидя за столом пишет письмо, проговаривая его вслух).

«Наверное, это прозвучит странно, и все же в постоянных хлопотах о

муже и его товарищах, в изнурительной обыденности, оживляемой только прогулками верхом, в каждодневной переписке с родителями своими и своих подопечных Волконская на руднике Благодатском чувствовала себя счастливой. С тех пор, как она поняла, что не сможет вернуться в Россию, вся борьба прекратилась в ее душе. Она обрела свое первоначальное спокойствие. Она думала о той минуте, когда над ней сжалятся и заключат ее вместе с ее бедным мужем; видеть его лишь два раза в неделю очень мучительно».

Ведущая: Боже, до чего дошла ты. Россия, если женщина должна бороться за право жить в тюрьме!

(сцена встречи коменданта Лепарского с Александрой Григорьевной Муравьевой)

Ведущая: "Он вышел из-за стола, провел машинально рукой по волосам, пригладив вихор на правом виске. Он улыбался, но улыбка была какой-то странной, испуганной, словно он говорил про себя: « Ну вот началось!». Он уже знал, что за государственными преступниками едут их жены, и ничего хорошего в их героическом самоотвержении для себя лично не видел: теперь вся его жизнь была как бы подконтрольна им - их за частокол не упрячешь. Улыбка погасла. Уже довольно официально генерал предложил мне сесть, и пока он рассматривал её подорожную, в кабинете было тихо, и тишина была как натянутый полог кибитки, в которой вот-вот ударит ветер.

Я сожалею...- он сделал паузу, не зная, надо ли сказать «графиня», - мадам

Муравьёва, что не могу вам разрешить сейчас же увидеть мужа, прежде вы должны будете подписать бумагу...

- Как, ещё одну?! Я ведь уже подписала в Иркутске все эти безнравственные параграфы. Неужто что-нибудь ещё осталось, от чего можно отказаться?

Генерал Лепарский ничего не ответил, молча, протянул ей лист. «Обязуюсь иметь свидание с мужем моим не иначе как в арестантской палате, где указано, будет в назначенное для того время и в присутствии дежурного офицера; не говорить с ним ничего излишнего и паче чего-либо не принадлежащего, вообще же иметь с ним дозволенный разговор на одном русском языке».

-Генерал, согласитесь, что это бесчеловечно .... Зачем же я спешила в эту глухомань? Чтобы и здесь жить розно с мужем?

-Не нам, сударыня, обсуждать установления, данные свыше; поверьте, бумагу сию придумал не я. Что же касается ваших слов энергических по поводу высочайшей воли, уговоримся, что я их не слышал. Ваш муж болен. Я разрешу вам свидание сегодня...

-Сейчас! Как можно скорее, генерал! - воскликнула Муравьёва.- Что с ним?

- Остыл, видимо... Генерал вызвал офицера. Пока я дочитывала «отречения», тот сходил куда-то, вернулся и сказал, что уже можно, что остальные государственные преступники на время свиданий переведены в другую часть тюрьмы.

Под конвоем меня провели по пустому тёмному двору. Вошли в тесную прихожую, солдат и унтер-офицер остановились у двери, а дежурный, тот самый, что сказал генералу Лепарскому «уже можно»,растворил перед ней

эту дверь, и я шагнула в полутьму. Никита Михайлович рванулся мне на встречу, звякнули цепи его, и звон этот охватил, ударил в сердце, потом осыпался, точно песок, что бился недавно в полог кибитки. И я побежала к мужу, задыхаясь, плача, смеясь.

У Никиты Михайловича был жар, я чувствовала это, когда прикасалась губами ко лбу его, волнение моё усилилось, а нежность была так велика, что я позабыла об офицере, нескромном казённом соглядатае их встречи, целовала мужа, и слезы - её слезы - текли по его щекам.

- Пора! - сказал офицер. И это было так вдруг, так неожиданно, как удар, мне казалось, что время остановилось, а оно летело, и мерой его были не часы, а человек в офицерской шинели, которому дано было чьей-то роковой силой решать, что долго, что коротко.

Никита Михайлович обнял меня, снова зазвенели цепи - на сей раз обречённо. Он

почувствовал, что я ищу руку его, и тут же понял в чём дело, ощутив в руке туго свёрнутую бумагу.

- Ника, наконец-то я с тобой, теперь я, навсегда с тобой!

В конце сцены тихо

звучит песня В.Леонтьева «Помолись, дружок» -музыка В Евзерова, слова М. Цветаевой,

Ведущий: Муравьёв развернул листок, едва ушла жена, развернул торопливо, уже понимая, что это привет оттуда, из России, которую ему вряд ли суждено увидеть.

Почерк был ему знаком: летящий, пронзительный, взвихрённый метельным окончанием слзлов, строк, ошибиться было невозможно:

(декабрист читает вслух стихотворение А.С.Пушкина)

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

Несчастью верная сестра,

Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас....

Ведущий: После того, как Бестужев прочитал приключенческую морскую повесть, написанную им в пику модным в те поры пустоватым сочинениям, Александра Григорьевна неприступно обращалась к нему с просьбой написать воспоминание о Рылееве - для будущего. Да, она жила будущим, хотя дни её были уже сочтены....

(Сцена написания письма А.Г. Муравьёвой матери)

«Я по целым дням ничего не делаю, - писала Александра Григорьевна свекрови. - У меня нет еще сил взяться ни за книгу, ни за работу, такая все

еще на мне тоска, что все метаюсь, пока ноги отказываются. Я не могу шагу ступить из своей комнаты, чтобы не увидеть могилку Оленьки. Церковь стоит на горе, и её отовсюду видно, и я не знаю как, но взгляд невольно постоянно обращается в ту сторону....

Я старею, милая маменька, вы и не представляете, сколько у меня седых волос».

Ведущая: Ей было в это время двадцать семь лет! Ей оставалось жить всего полгода.

Ведущая: Плац- адъютант Лепарский, племянник коменданта приказал привести каторжников (на сцене Лепарский и каторжники) « Я прошу вас все сделать быстро и хорошо. Я заплачу вам».

Декабрист: Какие деньги, господин полковник! Мы же мать хороним, понимаете - мать! Так не обижайте нас, разве деньги могут заменить ее доброту? Осиротели мы, ваше высокоблагородие.

(за сценой удары железа о камень.)

Ведущая: «Родственники Александры Григорьевны, близкие мужа ее обращались к высоким сановникам государства и к самому императору с просьбой хотя бы тайно перевезти прах Муравьевой на родину и похоронить ее при скромном церковном обряде в родовом имении Чернышевых, в дальней деревне Орловской губернии. Но каждый раз они натыкались на незримую, но беспощадную преграду. Наконец они получили через Бенкендорфа изъявление воли императора, лишившее их надежды навсегда: «Его величество изволил найти, что перевозение тела госпожи Муравьевой, сколь бы ни было скрытно произведено, но неминуемо огласится и подаст повод многим неблагоприятным толкам, и потому его величество высочайшего своего соизволения на сие не изъявил».

Ведущая: Софью Муравьеву было высочайше велено тотчас же по смерти отца везти в Москву, в институт, причем даже свидание с родственниками ей было запрещено.

(на сцене Софья Муравьева)

« Вся моя жизнь, потерпела оттого, что я так рано лишилась отца моего, так рано осталась без руководителя, которому верила, смело во всем, видя в нем поборника добра и истины. Сильный и яркий свет, как заря прекраснейшего летнего дня, озаривший мои первые годы, померк, и туман, окруживший

меня, все сгущался, и взор мой понапрасну искал светоча, по которому

направлять свои шаткие шаги...» Летела передо мной Сибирь, бревенчатые деревни, дикие реки, редкие города, пропитываемая золотыми красками изначальной осени тайга, летела Сибирь, в безвозвратность. Отступали за леса, за горы и Петровск, и Урик, и река-слеза Ангара, и город Иркутск. И как две свежие и не перестающие

болеть раны - две ранние могилы. И Сибирь, горько расставаясь с мной и словно пытаюсь вымолвить у меня прощение, откупиться, что была так жестока к матери моей и к отцу, все бросала под колеса брички золотые не вечные монеты - осеннюю листву.

Ведущая: По указанию императора дети декабристов приписывались к мещанскому сословию. Под фамилией Софья Никитина она была записана в Екатерининский институт. Но на фамилию «Никитина» Нонушка ни разу не отозвалась. Она словно бы не слышала этой фамилии. И все вынуждены были называть ее по имени.

(сцена в Екатерининском институте)

Ведущая: Однажды в Екатерининский институт приехала императрица Александра Федоровна, все воспитанницы встречали ее поклонами и называли матушкой.

(Воспитанницы танцуют менуэт, Александра Федоровна обращается к ним).

- А что же ты меня матушкой не называешь, как все?- спросила государыня у

Софьи.

- У меня есть одна только мать,- сурово ответила девочка,- и она похоронена в Сибири.

Ведущая: «Жанетта Польша, она же Полина Гебль, дочь монархиста, сгинувшего без вести, швея и сотрудница модного магазина, милая, красивая, много испытавшая на коротком веку своем женщина, въезжала в Читу. После Шампиньи и Парижа, после Москвы и Петербурга, даже после Иркутска, который покинула она несколько дней назад,- маленькая деревушка над быстрой студеной рекой, тайга, суровый частокол острога, вылинявший флаг с двуглавым орлом над комендатурой, бревенчатая, суровая, как и все вокруг, церковь. Еще несколько минут - лошади слетят с откоса вниз, к деревне, сани останутся у края улицы. И, словно пройдя сквозь невидимую грань, исчезнет милая госпожа Гебль и появится жена ссыльнокаторжного государственного преступника Прасковья Егоровна Анненкова. Еще только шаг, только шаг...

(На сцене Полина Гебль рассказывает о себе.)

«Тотчас по ее приезде комендант объявил мне, что уже получил повеление

его величества относительно свадьбы..., я не понимала по-русски и все время пересмеивалась с шаферами - Свистуновым и Александром Муравьевым. Под этой кажущейся беспечностью скрывалось глубокое чувство любви к Анненкову, заставившее ее

отказаться от своей родины и от независимой жизни». Свадьба была назначена на 4 апреля 1828 года.

Свадьба была событием для всей Читы и праздником для декабристов: у каждого крепла надежда, что придет час - и они тоже будут счастливы.

Иван Александрович помолодел, меланхолия, навалившаяся на него в

остроге, исчезла, не оставив следов.

Дамы старались принарядиться, кроили и шили - как могли: мой опыт, готовность всем услужить, помочь оказалось сейчас настолько ко времени, что у всех женщин, разделивших участь сибирских узников, навсегда осталось дружеская привязанность ко мне

. Церковь была темна, у икон теплилась лампадка. Елизавета Петровна Нарышкина ради торжественного случая отдала все восковые свечи, запасливо привезенные ею для длинных зимних вечеров.

К моему приезду у церкви собралась вся деревня - от мала до велика, даже больные и немощные приковыляли. Экипажей в Чите не было, и Лепарский, прибыв в церковь, тотчас же отправил коляску свою за мной. Происшествие со вторым этажом развеселило присутствующих, особенно дам. У всех поднялось настроение».

И вдруг... Казалось, замерли, упали на землю, осыпались, как хваченный морозом лист, все слова, все звуки, кроме одного- все нарастающего звона кандалов: под конвоем привели жениха и его шаферов. Молча расступились люди, отстали солдаты, на паперти церкви, у самого входа в нее, сняли с декабристов оковы.

Церемония продолжалась недолго, Священник торопился, певчих не было. По окончании церемонии всем трем, жениху и шаферам, надели снова оковы и отвели в острог.

(все участники на сцене с зажженными свечами, впереди декабристки),
(звучит «Аве Мария», на фоне музыки ведущая читает слова)

Ведущая: Слава и краса вашего пола! Слава страны вас произрастившей! Слава мужей удостоившихся такой безграничной любви и такой преданности, таких чудных, идеальных жен! Вы стали поистине образцом самоотвержения, мужества, твердости, при всей юности, нежности и слабости вашего пола. Да будут незабвенны имена ваши!

